

Н. А. Купина
Екатеринбург, Россия

**РУССКАЯ ИДЕЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ:
«БЕСЫ» ДОСТОЕВСКОГО И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ СУЖДЕНИЯ БЕРДЯЕВА**

АННОТАЦИЯ. Актуальность статьи обусловлена идеологической лакунарностью, возникшей в постсоветское время, проявляющейся в коллективном идеологическом цинизме, скептицизме и эклектизме: процессы деидеологизации охватывают и концепты, составляющие «исконную национальную русскую основу» (слова Н. А. Бердяева), и концепты, составляющие партийно-идеологическую основу советского мировоззрения. Это приводит к поиску интегралов, которые позволят объединить все социальные слои современного российского общества. Закономерным в этой связи является обращение ученых к текстам классической русской литературы, особенно к творчеству Ф. М. Достоевского, который глубоко понимал психоментальность русского народа, его ценностные ориентации. Идеиная платформа Достоевского, наиболее отчетливо выраженная в романе «Бесы», в советское время была признана реакционной. Объективной интерпретации замысла художественного шедевра в советское время препятствовала подмена философского и филологического анализа идеологическими штампами. Предлагается индуктивный подход к интерпретации русской идеи в романе Достоевского: смысловые и эстетические приращения выявляются на основе ключевых слов, их сочетаемости в речевой ткани текста. Лингвоидеологический анализ в статье подкрепляется аксиологическими суждениями Бердяева, подтверждающими наблюдения и прогнозы Достоевского. Как показано в статье, литературно-художественные и философские тексты — надежные источники для поиска актуальных ключевых слов-интегралов. Подобная систематизация языкового материала будет способствовать созданию актуального для современных политических практик словаря ключевых слов русского менталитета.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: аксиологическое суждение; идеология; идея; интеграл; ключевое слово менталитета.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Купина Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и стилистики русского языка, Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Бориса Николаевича Ельцина; адрес: 620000, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, к. 312; e-mail: natalia_kurpina@mail.ru.

Современное социально-политическое и собственно языковое существование характеризуется поисками идей, которые могли бы функционировать в роли интегралов — духовных скреп, объединяющих все социальные слои российского общества. В этой связи закономерны поиски основ идеологического консерватизма — традиционных ментально-ценностных ориентаций и отталкиваний, аксиологических обобщений и установок.

Тенденциозность и политизированность оценок, диктат советской идеологической ортологии, основанной на жестко структурированной системе идеологием и мифологием, а затем крушение государственной идеологии, разнонаправленные поиски векторов идеологического строительства — все это привело к мировоззренческим сдвигам. По наблюдениям социологов, для современного общественного сознания характерны «размытость, неопределенность, фрагментарность и переменчивость ценностных ориентаций, установок...» [Тощенко 2015: 14]. И концепты, составляющие «исконную национальную русскую основу» [Бердяев 1997: 251], и концепты, составляющие партийно-идеологическую основу советского мировоззрения, попали в «мясорубку» деидеологизации, которая связана с революционным

переустройством русского мира идей после 1917 г. и переустройством советского мира идей после 1991 г. Возникшие в постсоветское время идеологическая лакунарность, коллективный идеологический цинизм, скептицизм и эклектизм создали дефицит «правдивого» слова. Слово перестало быть «полководцем» (Вл. Маяковский) и «путеводителем» в тех «исканиях правды» и справедливости, которые всегда были свойственны русскому народу [Бердяев 1997: 368].

Для отечественной гуманитарной науки и гуманитарного мышления в целом драматическим оказалось исключение из интеллектуального пространства трудов русских философов, переживших Октябрьскую революцию, а также тех художественных произведений, которые были признаны «реакционными», «вредоносными», «клеветническими». Так, ярлык «чуждости» сопровождал официальную характеристику произведений Н. А. Бердяева вплоть до конца 80-х. Он оценивался как «буржуазный философ-мистик», критическое отношение которого к марксизму «перерастает в контрреволюционность» [Философский словарь 1987: 41]. Мыслитель, анализируя собственную духовно-нравственную позицию, писал: «...я вел борьбу за свободу, свободу духа, свободу совести, свободу мысли, не пропускал ни

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 15-04-00239 а «Национальные базовые ценности и их отражение в коммуникативном пространстве провинциального города: традиции и динамика».

© Купина Н. А., 2015

одного случая, чтобы протестовать против гонителей духа, насильников над мыслью и совестью» [Бердяев 1990: 239].

Концепция Бердяева сконструирована в контексте реального исторического времени. Скрупулезно исследуя воззрения философов, лидеров общественных движений, публицистов, писателей, он приходит к выводу о том, что «русский XIX век создает... напряженную, своеобразную, очень свободную мысль», которая достоверно выражена «великой русской литературой» — «самой пророческой в мире» [Бердяев 1997: 309]. «Невозможность по политическим условиям непосредственного социального дела, — пишет Бердяев, — привела к тому, что вся активность перешла в литературу и мысль, где все вопросы ставились и решались очень рационально» [Там же: 262]. «Духовный сын Достоевского» [См.: Благова, Емельянов 2003: 328—330], философ говорит об «особом консерватизме» писателя, подчеркивает, что Достоевский «провидит русскую революцию и раскрывает ее идеи» [Там же: 318].

Идейная платформа Достоевского, наиболее отчетливо выраженная в романе «Бесы», в советское время была признана реакционной. Опубликованный в десятитомном собрании сочинений [Достоевский 1957, т. 7] «самый литературный роман Достоевского» [Сараксина 1990: 115] в примечаниях к тексту [Достоевский 1957, т. 7: 707—757] назван «тенденциозным» «публицистическим памфлетом» [Там же: 718]. Центральные образы «Бесов» односторонне трактуются как «карикатуры на деятелей освободительного движения: злоба, ненависть, застилавшие поле зрения писателя, приводили к... порочному, тенденциозному методу типизации» [Там же: 719]. Подмена философского и филологического анализа политическими ярлыками затормозила объективную интерпретацию замысла художественного шедевра. Между тем сбывшиеся и сбывающиеся пророчества Достоевского обнаруживают недооценку его открытий (не только художественных, но и политических), основанных на глубоком понимании психоментальности русского народа, его ценностных ориентаций. Все это мотивирует необходимость нового прочтения текста романа [См.: Карякин 1989] в проекции на современную политическую ситуацию.

Ю. Н. Караулов, отталкиваясь от выделенных в одном из докладов Н. Д. Арутюновой специфических параметров русского языка (Пространство; Стихия; Аномалия; Чужое; Неопределенность), предлагает дедуктивный подход к интерпретации русской

идеи, нашедшей отражение в текстах Достоевского, сквозь призму названных параметров [Караулов 1996: 237—249]. Мы полагаем, что «философские конструкции Достоевского» [Благова, Емельянов 2003: 12] могут быть также изучены индуктивно: исследование ключевых слов, их сочетаемости в речевой ткани текста будет способствовать выявлению смысловых и эстетических приращений, отражающих точку зрения автора — прежде всего на политические события. В процессе лингвоидеологического анализа, результаты которого изложены в статье, используются аксиологические суждения Бердяева, подтверждающие наблюдения и прогнозы Достоевского.

В функции ключевого в романе «Бесы» употребляется слово *идея*, семантика которого вбирает в себя «специфические особенности национального самосознания и мироощущения», следовательно, сама лексема относится к «ключевым словам менталитета» [Сковородников 2003: 156]. Актуальные для времени создания романа (журнальный вариант относится к 1871 г.; отдельное издание — к 1873 г.) смыслы систематизированы во втором издании (1881 г.) Словаря В. И. Даля: *идея* — «умопонятие, воображение предмета, умственное изображение»; «Мысль, выдумка, изображение, вымысел; намеренье, замысел» [Даль 1978, т. 2: 8].

«Произведения Достоевского, — как заметил М. М. Бахтин, — прежде всего поражают необычным разнообразием типов и разновидностей слова, причем эти типы и разновидности даны в своем наиболее резком выражении» [Бахтин 1979: 236]. Резкость (общая примета творческой манеры писателя) проявляется в атрибутивной сочетаемости существительного *идея* (далее также *и.*). «Сила демонических внушений» [Померанц 1990: 318], максимализм акцентируются гиперболическими эпитетами: *большая и., великая и., окончательная и. чрезвычайная и.* Идея интегрирует или разделяет сообщества: *наша и., именно наша и.* — *чужая и.* Идея *наша* оказывается *новой*, а *прежняя и.* отмечается или деформируется. Высшую степень поглощенности идеей выражают сочетания *безумная и., отчаянная и.*

Характерно почти полное отсутствие атрибутивных сочетаний с относительными прилагательными (например, *социальная и.*), вскрывающее дефицит конкретных «умопонятий». Единичны также именные конкретизаторы. В составе сочетаний они могут указывать на пропаганду и провокационные действия (*и. о прокламациях; и. о*

подговоре к социальному бунту), на «выдумку» или «намеренье» (В. И. Даль), но не на сложное логическое построение, сложившееся на основе анализа и обобщений. Степан Трофимович Верховенский метко замечает: «...рубить головы всего легче, а иметь идею всего труднее!» В то же время, находясь под давлением титанической власти идеи, Степан Трофимович не может вникнуть в ее суть, *объяснить идею* (идеи). Нельзя не согласиться с выводом литературоведа: «Идеи, собственно, и не было. Идеологический миф, обнаруживая нищету и беспомощность мысли, запутывался в трех соснах логических лесов» [Сараскина 1990: 286]. Образ идеологической неразберихи поддерживается в тексте романа тропами *каша*, как в лесу, беспорядок умов и др. Например: *Как бы по ветру было пущено несколько чрезвычайно развязных понятий <...> В моде был некоторый беспорядок умов.*

Неопределенностью и неупорядоченностью, по наблюдениям Достоевского, отличается и состояние индивидуального мировоззрения: *И что за каша выходила тут под видом самостоятельности! Ей* (Юлии Михайловне) *нравились и крупное землевладение, и аристократический элемент, и усиление губернаторской власти, и демократический элемент, и новые учреждения, и порядок, и вольнодумство, и социальные идеи* <...> Разнородные идеологические категории складываются в мозаичные представления о *русском либерализме*, для обсуждения которого были открыты двери губернаторского дома. Жаркие споры обнаруживали скорее соревнование амбиций, а не *новых идей*, которых не было, но о которых все кричат.

Глагольные сочетания с ключевым словом *идея* указывают на способность и готовность субъекта быть глашатаем идеи (*выкрикивать и.*), носителем идеи (*представитель и.*), ее распространителем (*дать и. кому-л., пустить и.*), вскрывают идеологическое упрямство (*укрепиться на ...и., упереться на и.*). Идея предстает как кажущийся результат напряженной работы ума. Например: *Он* (Степан Трофимович) *укрепился на какой-то окончательной и чрезвычайной идее, придававшей ему спокойствие, это было видно. Он нашел эту идею, сидел и чего-то ждал.* Найденная путем невероятных усилий идея оказывается, однако, фантомом, ведет в никуда, испепеляет, лишает жизненных сил: — *Друг мой, я это для великой идеи*, — говорил он (Степан Трофимович) <...> *Я двинулся с двадцатилетнего места и вдруг поехал, куда — не знаю, но я поехал...*

Ближайший синоним ключевого слова *идея* — лексема *мысль* — также сопровождается гиперболическими эпитетами. Соответствующие высказывания отличаются «предельностью в оценках и характеристиках» [Караулов 1996: 249] при отсутствии предметной конкретизации:

Степан Трофимович. *Друзья мои, все, все: да здравствует Великая Мысль! Вечная, безмерная Мысль!* Всякому человеку, кто бы он ни был, необходимо преклониться пред тем, что есть *Великая Мысль*. Даже самому глупому человеку необходимо хотя бы *нечто великое*.

Степан Трофимович *подымает знамя великой идеи и идет умереть за него на большой дороге*. Глагольное управление способствует развенчанию бытующего и в наши дни представления о жизни ради идеи (фактически — ради знамени). Смысл идеи не найден, а знамя поднято. Аномальные сочетания воображаемого и реального, неопределенности содержания и символичности жеста, ложное ощущение собственного предназначения — все это способствует снижению пафоса, трансформации высокой тональности в фарсово-ироническую. *Знамя идеи* — символ беспочвенности идеализма.

Стремление снять неопределенность проявляется в готовности подчиниться человеку *идеи / человеку с идеями*, который знает, что делать. Беззаветная преданность идее «замещается» личной преданностью и самоуничижением: *Фанатически, младенчески преданный „общему делу“, а в сущности Петру Верховенскому, он* (Эркель) *действовал по его инструкции <...> маленькие фанатики, подобные Эркелю, никак не могут понять служения идее, иначе как слив ее с самим лицом, по их понятию, выражающим эту идею*. Ср.: — *Петр Степанович, <...> ведь я <...> пойму, что вам нужно сберечь свою личность, потому что вы всё, а мы — ничего*. Подобное «замещение» далеко не всегда является наивным. В границах политических практик оно откровенно прагматизируется, не оставляя сомнений в корыстных помыслах манипулятора. Вот лишь отдельные циничные реплики «карьериста от революции» Петра Верховенского, адресованные Ставрогину: — *Аристократ, когда идет в демократию, обаятелен! <...> Вы предводитель, вы солнце, а я ваш червяк; Без вас я муха, идея в склянке...; Я ведь мошенник, а не социалист*. Закономерна реакция Ставрогина: — *...вы, стало быть, и впрямь не социалист, а какой-нибудь политический... честолубец?*

«Свойство русской души» — «ее искания социальной правды» [Бердяев 1997: 368] —

политические авантюристы используют для формирования идеи абсолютного равенства, подчиненного одной кумирной деспотической воле:

Петр Верховенский — Ставрогину. *Шигалев гениальный человек! Он выдумал „равенство“! <...> У него каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем, а все каждому... Все рабы и в рабстве равны <...> Главное — равенство <...> без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но в стаде должно быть равенство и вот шигалевщина! Ха-ха-ха <...>. Я за шигалевщину!*

Носители деспотической воли бесстыдно играют низменными инстинктами: <...> откровенным правом на бесчестье всего легче русского человека увлечь можно. Революционный ветер свободы в итоге сметает свободу: «Достоевский <...> предвидел отрицание свободы духа, как предельный результат идейной диалектики революции...» [Бердяев 1997: 319].

Жажда верховной власти (коллективной и личной) приводит к бесовской идее деспотического тоталитарного социального переустройства:

Шигалёв. *Я пришел к заключению, что все создатели социальных систем были мечтатели, сказочники <...> мое заключение в прямом противоречии с первоначальной идеей, из которой я выхожу. Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом ; Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятими. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо <...> Прошу вас заметить, что я не Фурье. Смешивая меня с этой сладкою, отвлеченною мямлей, вы (о Петре Верховенском) только доказываете, что рукопись мою не читали, <...> а рано или поздно все-таки придете к моей системе.*

Обращает на себя внимание повтор слова *система*. Писатель предвидел возможность формирования диктаторской идеологической системы, основанной на переработке «первоисточника». Давая в 1849 г. следственной комиссии объяснения по делу петрашевцев, он сформулировал свое отношение к фурьеризму: «Фурьеризм — система мирная, но, без сомнения, эта система вредна, во-первых, потому, уже по одному тому, что она система; во-вторых, как ни изящна она, она всё же утопия самая несбыточная» [Достоевский 1958, т. 10: 555]. Базирующаяся на триаде «унизительное прошлое — жесткая действительность в настоящем — светлое

будущее» [Жолковский 2014: 311] система Шигалева предпочитает свободу для горстки властителей ценой крайней степени беззакония и подавления воли народа. Искаженные и радикализированные западнические идеи, предупреждает писатель, в России могут подготовить почву для формирования казарменного деспотического режима, поддерживаемого идеологической системой как новой религией.

Петр Верховенский, который «присваивает» шигалёвщину, перекраивая ее на свой лад [Сараскина 1990: 299], ибо «бесы всегда хотят, чтобы события развивались по их сценарию» [Тощенко 2015: 93] — предчувствует небывалый результат действия системы: — *Тут, батюшка, — новая религия грядет взамен старой!* Писатель предупредил Россию о возможности трансформации религиозной энергии народа в идеологическую; философ, наблюдавший управляемое «перерождение» русского менталитета в XX в., напишет: «Коммунистическая революция в России совершилась во имя тоталитарного марксизма как религии пролетариата» [Бердяев 1997: 338]. Мировоззренческие последствия этой субституции наблюдаются и сегодня.

Опираясь на шигалёвщину, Верховенский для скорого решения вопроса внедряет изощренную политическую технологию. Внутритекстовая парадигма номинаций, извлеченных из речевой партии персонажа, объединена общими смыслами «дестабилизация», «разрушение»: *революция, сотрясение основ, раскачка, бунт, смута, топор, кровушка, разрушения пожар*. Вот лишь один пример:

Верховенский. *Мы пустим пожар... Мы пустим легенды. Тут каждая шелудивая „кучка“ пригодится. <...> Ну-с и начнется смута! Раскачка такая пойдет, какой еще мир не видал... Затуманится Русь, заплачет по старым богам... Ну-с, тут-то мы и пустим <...> Ивана-царевича <...>.*

Ставрогин. *Самозванца? <...>*

Верховенский. *Мы скажем, что он „скрывается“ <...> Мы пустим легенду получше, чем у скопцов. <...> О, какую легенду можно пустить! <...> вы красавец, гордый, как бог, ничего для себя не ищущий, с ореолом жертвы, „скрывающийся“. Главное, легенду!*

Безбожная власть, как следует из концепции Достоевского, с неизбежностью будет эксплуатировать «русские иррациональные мотивы», «склонность к максимализму», «бунтарскую способность в народе», психоментальную «способность к жертвам», «мистическую чувствительность» (Бердяев). В романе обозначены векторы грядущего мифотворчества. Один из них — обожеств-

ление революционера — человека идеи — бескорыстного, обладающего железной волей, указывающего народу единственно верный путь [См.: Благова, Емельянов 2003: 281—282]. Советская политическая практика использовала технологию создания имиджевой маски вождя и учителя, вдохновенно воспринимаемого народными массами как «богочеловек».

Оставляя за пределами анализа навязчивую идею Кириллова (*лишить себя жизни и стать богом*), приведем формульную метафорическую оценку идеологического фанатизма: — *Не вы съели идею, а вас съела идея*. Отметим, что богоборчеству и богоотступничеству Достоевский противопоставляет идею богоискания, прямо выраженную в речевой партии Шатова: — *Цель всего движения народного, во всяком народе и во всякий период его бытия, искание Бога ; Единый народ-„богоносец“ — это русский народ. Искание Бога заложено «религиозным, духовным призванием русского народа»* (Бердяев); призвание это, как показала история, можно использовать для решения политических задач.

Автор «Бесов» не приемлет политической идеи насильственного переустройства социальной жизни общества. Он вскрывает антигуманную сущность революции, деромантизирует устойчивое представление о тайных обществах и подпольной деятельности революционеров: <...> *становилось ясно, что есть, действительно есть тайное общество убийц, поджигателей-революционеров, бунтовщиков*. Однородный ряд включает фигуру тождества: революционер — это убийца.

Идею убийства прагматизирует Ставрогин. Он дает Верховенскому простой совет: *...подговорите четырех членов кружка укокошить пятого под видом того, что тот донесет, и тотчас же вы их всех пролитую кровью, как одним узлом, свяжете. Рабами вашими станут, не посмеют бунтовать и отчетов спрашивать*. Общее дело, под которым «струится кровь», превращает заговорщиков в рабов своего вождя. Свобода личная становится «актом, совершенным не индивидуальным, а социальным человеком, после того, как выбор сделан» [Бердяев 1997: 378] за него предводителем, вождем, богочеловеком. В то же время в тексте романа заговорщики поставлены в один ряд с каторжником Федькой, у которого нож всегда наготове.

Петр Верховенский не ограничивается очевидной выгодой убийства, дающей ему власть над соратниками. Он жаждет власти над народом, над страной. Развивая план

убийства Шатова, он насыщает свою речь нравственными категориями (в их числе долг, свобода, гордость, достоинство), не совместимыми с умышленным преступлением против личности.

Петр Степанович. Господа, <...> *Без сомнения, вы должны ощущать ту свободную гордость, которая сопряжена с исполнением свободного долга ; Вы призваны обновить дряхлое и завонявшееся от застоя дело <...> Весь ваш шаг пока в том, чтобы все рушилось: и государство и его нравственность. Останемся только мы, заранее предназначившие себя для приема власти: умных приобщим к себе, а на глупцах поедем верхом <...> Надо перевоспитать поколение, чтобы сделать достойным свободы. Еще много тысяч предстоит Шатовых*.

Конечная цель ясна — захватить и удержать власть. Политические убийства — лишь одно из средств на пути к неограниченной власти:

Верховенский — Шатову. *Вас бы... при первом успехе революции повесили*.

Шатов. *Это когда вы захватите власть и покорите Россию?*

Убийство (убийства) открывает путь к разрушению норм морали. Верховная власть может быть захвачена революционным путем — с помощью управляемой смуты. Ставка делается на «бунтарскую стихию в русском народе»: «Народ всегда готов к революции, потому что он лишь материал, которым пользуется революционное меньшинство» [Бердяев 1997: 305]. В итоге «материал» поступает в полное распоряжение власти. Кучка заговорщиков, тайных убийц оказывается на вершине власти. Политическое убийство, по Достоевскому, — это провокация, подталкивающая к анархическому сокрушению основ. Символический образ пожара в тексте романа предрекает невосполнимые утраты, которые влечет за собой революция. Одна из этих утрат — внутреннее перерождение молодого человека: *Чувствительный, ласковый и добрый Эркель, быть может, был самым бесчувственным из убийц, собравшихся на Шатова <...>*

Оправдание убийства идеей служения общему делу противоречит традиции «русского протеста против насилия» [Бердяев 1997: 268]. Идеиная анархия убивает чувство сострадательности к ближнему. Революция, оправдывающая убийства, революционные преобразования направлены на «духовное перевоспитание человека» [Бердяев 1997: 410].

Обратимся к текущей действительности. Длительная практика политических убийств

сформировала у наших современников идеологическую подозрительность. Последнее подтверждается реакцией на совершенное 27 февраля 2015 г. убийство Б. Е. Немцова. Несмотря на возможность нескольких версий, в первые дни после совершения преступления преобладала версия политического убийства. Только с 28 февраля по 8 марта в текстах СМИ базой данных «Интегрум» зафиксировано 160 употреблений словосочетания *политическое убийство*. Например: *Я на сто процентов уверен, что это политическое убийство: машина, человек с пистолетом, скорее всего, профессиональный киллер, значит, Немцова выслеживали* (Новая газета. 02.03.2015). *Это однозначно политическое убийство, заказное, дерзкое и, я бы даже сказал, показательное* (Российская газета. 03.03.2015) и т. п.

Атрибутивные сопроводители сочетания *политическое убийство* (далее также *ПУ*) указывают на предполагаемую сверхзадачу заказчиков: *резонансное, провокационное, демонстративное, громкое ПУ*. Частотны высказывания, содержащие интерпретацию цели: *с какой целью / для чего*. Наиболее распространенными являются смыслы, воплощенные Достоевским в художественной форме и Бердяевым — в форме философских обобщений. Например: *ПУ Немцова совершено с целью дестабилизации обстановки в стране* (Эхо Москвы. 1.03.2015); *Это ПУ — явная провокация. Организована и осуществлена она теми, кто хочет накаливать и дестабилизировать обстановку в России* (Российская газета. 2.03.2015); *Это наглая политическая провокация с целью расколоть российское общество* (Там же); *ПУ — провокация для дестабилизации политической обстановки в стране, и фигура Немцова могла стать своеобразной „сакральной жертвой“ для тех, кто не гнушается никакими методами для достижения своих политических целей* (Известия. 03.03.2015); *Провокацией это ПУ считает и Ирина Хакамада, экс-сопредседатель партии „Союз правых сил“: „Но это точно провокация, она точно не выгодна Путину и она направлена на то, чтобы все просто расшатать в клочки“, — приводит ее слова РИА Новости* (Российская газета. 2.03.2015). Ср. у Достоевского: *раскачка, смута, сотрясение основ, чтобы все рушилось*.

В текстах СМИ развивается мотив власти. Например: *КПРФ связывает ПУ Немцова с началом предстоящей выборной кампании* (Эхо Москвы. 06.03.2015); *Это классическое ПУ в критический момент исто-*

рии, для того чтобы заставить руководителя России — а других движущих сил сейчас нет — действовать так, как им нужно (Московский Комсомолец. 02.03.2015). Ср. у Достоевского: *Останемся только мы, заранее предназначившие себя для власти*.

Менее частотен мотив продолжения насилия: *Это безусловно не криминальное и не бытовое, а чисто ПУ. И пока в России не будет честных выборов, периодической смены власти, реальной борьбы с коррупцией, оппозицию будут расстреливать и будут происходить ПУ* (Золотое кольцо. Ярославль. 28.02.2015); *КПРФ опасается, что в период федеральных выборов в стране развернется массовый террор* (Эхо Москвы. 6.03.2015). Ср. у Достоевского: *Еще много тысяч предстоит Шатовых*.

Общие места в рассуждениях: совершившие *ПУ* делали ставку на эмоциональность русского психотипа; планировали использовать «анархические инстинкты», которые причудливо сочетаются с «состраданием и человеколюбием» (Бердяев); стремились разжечь сильные эмоции, организовать массовый протест против насилия: *Громкие ПУ всегда вызывают бурю эмоций* (Комсомольская правда. 03.03.2015); *Такое чудовищное преступление вызывает яркую эмоциональную реакцию. И к митингующим уже готовы присоединиться не только сторонники Бориса Немцова, но и просто граждане, которые желают немедленного восстановления справедливости. Которые возмущены тем, что в центре Москвы можно демонстративно — ритуально — убить человека* (К. Костин).

Как показывает языковой материал, носители национальной культуры осознают свойственную им повышенную эмоциональность, которую политики используют в своих целях: политическое убийство рассчитано на возбуждение массовой эмоции негодования. Аналогия с раскрытыми автором «Бесов» психоэмоциональными мотивами русского протестного движения, которое может быть следствием политического убийства, возникает в связи с реакцией россиян на информацию о запланированном оппозицией на середину апреля 2015 г. марше протеста «Гнев и достоинство». Вот отдельные реплики слушателей радио «Эхо Москвы» (7 марта 2015): *В центре столицы, у стен Кремля убивают лидера оппозиции. Нужно немедленно подымать народ, а не ждать до середины апреля*. Говорящий обращает внимание на возможность затухания эмоции гнева, ее одномоментность: *лишь вспышка гнева способна мгновенно разжечь пожар*. Ср.: *Гнев — что-то в этом есть, но нет*

конкретики (акцентируется неопределенность идеи, отсутствие «умопонятия»); **Гнев — это деструктивно; Гнев — снова весь пар уйдет в свисток.** Номинация **гнев** не воспринимается как интегрема. Акцентируется непозволительность манипулятивной подмены идеи эмоциями. Интуитивно ощущается потребность в идее, наполненной концептуальным содержанием. В коллективной идеологической памяти активизируются устойчивые ассоциативные связи: политическое убийство → провокация, дестабилизация, раскол, выгода, власть, возмущение.

Срезовой анализ речевых реакций, связанных с политическим убийством Б. Е. Немцова, подтверждает глубину философских конструкций, точность политической диагностики, сбывшихся и сбывающихся пророчеств Достоевского, всё еще не до конца осмысленных наукой.

Поиски актуальных слов-интеграл, номинирующих базовые ценности, должны быть основаны на изучении семантики ключевых лексических единиц менталитета по данным литературно-художественных и философских текстов. Систематизация языкового материала будет способствовать созданию актуального для современных политических практик словаря ключевых слов русского менталитета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Советская Россия, 1979.
2. Бердяев Н. А. Самопознание // Опыт философской автобиографии. — М.: Междунар. отношения, 1990.
3. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма // Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. — М.: Сварог и К, 1997. С. 245—412.
4. Благова Т. И., Емельянов Б. В. Философемы Достоевского: три интерпретации (Л. Шестов, Н. Бердяев, Б. Вышеславцев). — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. Стер. изд. — М.: Русский язык, 1978—1979.
6. Достоевский Ф. М. Собр. соч. В 10 т. Т. 7. Бесы. Примечания. М.: Гослитиздат, 1957. С. 707—757; Т. 10. Примечания: Арест и крепость. М.: Гослитиздат, 1958. С. 549—558.
7. Жолковский А. Поэтика за чайным столом и другие разборы. — М.: Новое литературное обозрение, 2014.
8. Караулов Ю. Н. Русская идея, русская речь и идиостиль Достоевского // Язык как творчество: сб. статей к 70-летию В. П. Григорьева. — М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 237—249.
9. Карякин Ю. Достоевский в канун XXI века. — М.: Советский писатель, 1989.
10. Померанц Г. Открытость бездне. Встречи с Достоевским. — М.: Советский писатель, 1990.
11. Сараскина Л. «Бѣсы»: роман-предупреждение. — М.: Советский писатель, 1990.
12. Сковородников А. П. Ключевые слова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. — М.: Флинта: Наука, 2003. С. 153—157.
13. Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.
14. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. — М.: Политиздат, 1987.

N. A. Kupina
Ekaterinburg, Russia

RUSSIAN IDEA IN THE CONTEXT OF MODERNITY: DOSTOEVSKY'S «DEMONS» AND BERDYAEV'S AXIOLOGICAL ASSERTIONS

ABSTRACT. The choice of the topic of the article could be explained by the ideological lacuna which appeared in the post-soviet period and revealed itself through collective ideological cynicism, skepticism and eclecticism: deideologization is spread both upon concepts constituting the “original Russian national foundation” (a quotation from N.A. Berdyaev), and upon concepts making up the communist party's ideological basis of soviet world-outlook. This leads to the search for integremes which would help to unite all social layers and explains the turn to the Russian classical literature, and, in particular, to the creative works of F.M. Dostoyevsky, who deeply understood the psychological mentality and value orientations of the Russian people. The ideological platform of Dostoyevsky, which is most vividly expressed in the novel “Demons”, in soviet times was considered to be reactionary. Objective interpretation of the message of a literary masterpiece in soviet times was influenced by the substitute of philosophical and philological analysis by political labeling. The article suggests an inductive approach to the interpretation of the Russian idea in the novel by Dostoyevsky: semantic and esthetic augmentations are revealed by means of key words and their combinability in the texture of the novel. Linguo-ideological analysis is reinforced in the article by axiological assertions of Berdyaev which corroborate the observations and predictions of Dostoyevsky. Works of fiction and philosophical texts present rich material for identification of key words-integremes nominating the basic values. Such systematization of linguistic material would stimulate the creation of a dictionary of key words of the Russian mentality which is an urgent task of modern political practices.

KEYWORDS: axiological assertion; ideology; idea; integreme; mentality key word.

ABOUT THE AUTHOR: Kupina Natalia Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Rhetoric and Stylistics of the Russian Language, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

LITERATURE

1. Bakhtin M. Problemy poetiki Dostoevskogo. — M. : Sovetskaya Rossiya, 1979.
2. Berdyaev N. A. Samopoznanie // Opyt filosofskoy avtobiografii. — M. : Mezhdunar. otnosheniya, 1990.
3. Berdyaev N. A. Istoki i smysly russkogo kommunizma // Filosofiya svobody. Istoki i smysl russkogo kommunizma / N. A. Berdyaev. — M. : Svarog i K, 1997. S. 245—412.
4. Blagova T. I., Emel'yanov B. V. Filosofemy Dostoevskogo: tri interpretatsii (L. Shestov, N. Berdyaev, B. Vysheslavtsev). — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2003.
5. Dal' V. I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. V 4 t. T. 2. Ster. izd. — M. : Russkiy yazyk, 1978—1979.
6. Dostoevskiy F. M. Sobr. soch. V 10 t. T. 7. Besy. Primechaniya. M. : Goslitizdat, 1957. S. 707—757; T. 10. Primechaniya: Arest i krepost'. M. : Goslitizdat, 1958. S. 549—558.
7. Zholkovskiy A. Poetika za chaynym stolom i drugie razbory. — M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2014.
8. Karaulov Yu. N. Russkaya ideya, russkaya rech' i idiositil' Dostoevskogo // Yazyk kak tvorchestvo : sb. statey k 70-letiyu V. P. Grigor'eva. — M. : IRYa RAN, 1996. S. 237—249.
9. Karyakin Yu. Dostoevskiy v kanun XXI veka. — M. : Sovetskiy pisatel', 1989.
10. Pomerants G. Otkrytost' bezdne. Vstrechi s Dostoevskim. — M. : Sovetskiy pisatel', 1990.
11. Saraskina L. «Bъsy»: roman-preduprezhdenie. — M. : Sovetskiy pisatel', 1990.
12. Skovorodnikov A. P. Klyuchevye slova // Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka / pod red. M. N. Kozhinoy. — M. : Flinta : Nauka, 2003. S. 153—157.
13. Toshchenko Zh. T. Fantomy rossiyskogo obshchestva. — M. : Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga, 2015.
14. Filosofskiy slovar' / pod red. I. T. Frolova. — M. : Politizdat, 1987.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.